

Готэм, тайное убежище

Джокер безостановочно хохотал, вперив безумный взгляд в экраны мониторов.

— О, ты видела это?! Видела?! Сахарок, ты только посмотри на его лицо!

От хохота он содрогался всем телом, пока наконец не сполз с кресла на пол, хватаясь за живот. Рядом примостилась Харли Квинн. Накручивая на палец прядь разноцветных волос, она заливалась точно таким же безумным, визгливым смехом.

Но вдруг Джокер затих. Он резко поднялся — костлявый, мертвенно-бледный, со шрамами улыбки, тянущимися до самых ушей. Опираясь на трость, он с напускным изяществом зашагал к двери, у которой лежал раздетый догола пленник.

— И почему мы не смеемся? — Джокер театрально прижал ладонь к губам, изображая глубочайшую скорбь. — Это же чертовски забавно!

На теле облысевшего толстяка дрожали складки жира, похожие на сальные спасательные круги. Несмотря на прохладу сырой осени, его прошиб крупный, ледяной пот.

— Д-да... Смешно! — заикаясь, выдавил бедолага и жалко, сквозь слезы, выдавил: — Ха... Ха-ха...

Его сведенное судорогой страха тело затряслось еще сильнее. Мужчина не сводил взгляда с Джокера — восставшего из мертвых психопата, порождения готэмской гнили, мечтающего утянуть за собой на дно весь мир.

Сухой, хриплый смех раздавался в полумраке, пока пленник окончательно не выбился из сил. На смену фальшивому веселью пришел надрывный кашель. Он сжался в комок, содрогаясь всем телом. Измученное жаждой горло отказывалось издавать хоть какие-то звуки.

— Ну же, куда делось веселье? — Джокер присел перед ним на корточки.

— Я смеюсь! Смеюсь! — в ужасе запричитал пленник, силясь выдавить из сорванной гортани хоть какое-то подобие удушливого хохота, отдающего вкусом крови.

Бледный подбородок, кричаще-красный рот, безумные зеленые глаза... Мужчина закинул голову, и уродливое лицо Джокера оказалось в паре дюймов от его собственного. Жуткая ухмылка заполнила все его зрение.

— А ведь я несу людям радость! — Джокер резко вцепился костлявыми пальцами в горло пленника, словно когтями совы, вынуждая того смотреть прямо на него.

Несчастный отчаянно задергался, пытаясь вырваться из мертвой хватки. Но безумец лишь сменил хватку: он сжал ладони на черепе жертвы и с силой потянул вверх. Острые ногти глубоко вонзились в кожу головы.

— А-а-а-а!

Дикий, истошный вопль подействовал на Джокера как доза бодрящего наркотика. Сбросив наваждение, он разжал пальцы. Жертва со стоном рухнула на пол, ловя ртом воздух, а клоун неторопливо выпрямился, разминая бледные кисти.

— И всё-таки, — проворчал Джокер, постукивая тростью по бетонному полу, — наш милый Белый Ворон до ужаса груб.

Он развернулся, собираясь уходить. Измученный пленник мысленно возблагодарил небеса за спасение, но в следующую секунду ему в лицо ударило плотное облако ядовитого газа.

— Раз уж у самого не получается, Дядюшка Джокер тебе поможет! Жизнь без улыбки — не жизнь! — расхохотался клоун.

Он раскинул руки навстречу конвульсивному, безумному хохоту, который начал разрывать легкие задыхающегося мужчины.

— Пудинг, — Харли Квинн недовольно надула губы, прижимаясь к его плечу. — Там этот странный монах приперся.

Словно дерганный деревянный паяц, Джокер резко крутанул головой назад. Послышался сухой щелчок — его шея изогнулась под неестественным, пугающим углом.

В комнату вошел мужчина в традиционном буддийском облачении и с причудливой челкой. Брезгливо зажав нос ладонью, он шагнул через порог, даже не взглянув на бьющегося в судорогах несчастного, который кашлял кровавой пеной.

— Ну и дыру ты выбрал, — проворчал Кэндзяку, смахивая невидимую пыль с широкого рукава. — Дышать нечем.

— О-о, мой старый друг! — Джокер с раскинутыми объятиями бросился к нему, но на полпути выхватил баллончик и выпустил целую струю токсина прямо ему в лицо.

Кэндзяку лишь недовольно отмахнулся от зеленого облака и поправил волосы, собранные в пучок на затылке. На его лице застыла вежливая, снисходительная улыбка, словно этой жалкой выходки вовсе не было.

— Мне казалось, ты уяснил это еще во время своей первой попытки прикончить меня, — спокойно произнес он. Оставшись недовольным состоянием прически, он распустил волосы, чтобы перевязать их заново. — На меня твои игрушки не действуют.

Джокера ничуть не смутила неудача. Он бесцеремонно приобнял Кэндзяку за шею и зашептал на ухо:

— Ну что ты, старый друг, это всего лишь дружеское приветствие! Разве у нас с тобой не так принято?

Кэндзяку брезгливо убрал его руку со своего плеча и перевел взгляд на экраны мониторов.

— Надеюсь, ты помнишь о наших договоренностях.

— Обижаешь! — Джокер легко запрыгнул на стол. Его жуткий оскал растянулся чуть ли не до ушей. — Ты потратил столько сил, чтобы вернуть меня с того света. Дядюшка Джокер просто обязан оправдать твои надежды на грандиозный розыгрыш!

Кэндзяку равнодушно сощурился, глядя на этого безумца. Изначально он планировал использовать тело Джокера как очередной сосуд для себя, но разум этого человека оказался слишком замусорен, а мозг — безнадежно выжжен собственным ядом.

Как раз вовремя Гидра продвинулась в исследованиях пальцев Рёмена Сукуны. Их интересы совпали: используя модифицированный дионезий и проклятые артефакты, они создали для безумца совершенно новое тело.

С помощью запретной техники душу Джокера удалось привязать к новой плоти. На удивление, все прошло как по маслу. Если не считать того, что свежевоскрешенный психопат сразу же вырезал верхушку местной ячейки Гидры, превратив уцелевших в толпу преданных безмозглых марионеток, его возвращение казалось благословением небес.

Впрочем, их цели во многом совпадали. Кэндзяку подошел ближе и остановился рядом с кривляющимся клоуном.

— Твоя цель — низвергнуть Бэтмена. Моя — уничтожить Белого Ворона.

— Знаю-знаю, приятель! — Джокер притворно-бессильно склонил голову на плечо Кэндзяку. — Мы утопим Готэм в безумии, пороке и хаосе — его истинной стихии. Разве это не прекрасно? Но эта мелкая белая пташка сует свой нос куда не надо! Он испортил мне такое чудное веселье с птенцами Бэтмена. А ведь этот красавчик, Найтвинг, уже почти стал главным гостем на моем празднике...

Тон Джокера из обиженного быстро перерос в маниакальный. Под конец он снова зашелся в

истерическом хохоте:

— О, как же я счастлив! Счастлив!

«Псих всегда остается психом», — подумал Кэндзяку. Развернувшись, он зашагал к выходу, оставляя за спиной этот сумасшедший дом.

— Просто убедись, что от свиты Бэтмена не останется камня на камне, — бросил он на ходу.

За его спиной под аккомпанемент безумного смеха и хрипов умирающей жертвы тяжело захлопнулась металлическая дверь.

Готэм, заброшенный склад

Сатору Годжо вскинул голову. За долю секунды его сила подавила датчики гравитации, но едва он оторвался от земли, как понял — он не успел.

Прямо у него на глазах тонкая детская ручонка пробила грудную клетку Джейсона. Из раны брызнула теплая кровь, и девочка сжала в кулаке окровавленный кусок его сердца.

Сатору словно оглушило ударом обуха по голове. Пространство перед глазами уродливо исказилось, в ушах зазвенело. Шесть Глаз, способные видеть все на триста шестьдесят градусов вокруг, сузились до одной единственной точки — алого, истекающего кровью сердца Джейсона.

«Вот видишь? Ты так силен, но тебе суждено потерять все, что дорого»

Вкрадчивый, шепчущий голос ядовитой змеей вполз в его сознание.

«Сын богов, наделенный Шестью Глазами, разве ты не знал этого с самого начала? Небожители не могут жить среди смертных. Твое присутствие приносит им лишь боль и гибель»

Насмешливые, полные фальшивого сочувствия слова набатом гремели в голове Сатору. Все это заняло долю секунды — едва заметное замешательство, пока он завис в воздухе. В сознание лавиной хлынули чужие голоса. Нет, это был его собственный голос. Сатору понимал это слишком отчетливо.

Возможно, в этом и крылось проклятие Шести Глаз — Сатору физически не мог укрыться в

спасительном бреде иллюзий. Он был отравлен. То ли смертоносным газом, то ли изощренным Вирусом Джокера.

Но сейчас все это потеряло значение.

Он камнем бросился вниз и мертвой хваткой вцепился в шею девчонки. Шесть Глаз, холодные и безжалостные, уставились на нее в упор. Девчонка оцепенела от ужаса.

Тем временем комната стремительно заполнялась едким ядом, превращаясь в настоящую газовую камеру. Игнорируя ее жалкие, бессильные попытки вырваться, Сатору свободной рукой бережно подхватил истекающего кровью Джейсона и рванул к выходу.

Мощный всплеск проклятой энергии захлопнул за ними тяжелые створки, намертво запечатав ядовитый туман внутри.

Снаружи царил прежний хаос. Улицы сотрясались от истошных воплей и плача — смрадные волны человеческого страха и отчаяния поднимались к небу. И что страшнее всего... Начали рождаться проклятые духи.

Собственный страх жителей Готэма обернулся против них оружием. Уродливые твари, порожденные коллективным безумием, пировали на улицах. Люди, чья завеса восприятия сорвалась от смертельного ужаса, с криками бежали прочь, но лишь находили свою смерть в когтях монстров.

Найтвинг метался среди этого безумия. Не видя врагов, он вслепую наносил удары в пустоту, тщетно пытаясь защитить хоть кого-то, но лишь сам истекал кровью от невидимых когтей. Проклятые духи, сотканые из человеческих эманаций, не подчинялись законам физики. Их текучие, аморфные тела уходили из-под ударов, делая весь богатый опыт борьбы с невидимыми противниками бесполезным.

— Ты же супергерой! Почему ты нас не спасаешь?! — вопил какой-то человек, ползая в грязи и с ненавистью глядя на защитника Готэма. — Это твоя работа! Сдохни, но защити нас!

Этот визг в ушах Сатору внезапно исказился, принимая знакомые интонации покойного Джокера, словно мертвый клоун стоял плечом к плечу с ним, наслаждаясь представлением.

«Вот он, Готэм. Гниль, безумие и мрак — его истинное лицо. И это его жители. Ты ведь прожил здесь достаточно, чтобы всё понять?»

Какая ирония: люди сами плодили этих чудовищ, но вместо того чтобы бороться, они требовали от слепых героев принести себя в жертву.

«Проваливай», — мысленно огрызнулся Сатору, стряхивая морок.

Каждая секунда была на счету. Не раздумывая, Сатору принял решение отправить умирающего Джейсона к команде доктора Хауса — лучшим специалистам в стране, способным сотворить чудо в условиях абсолютной секретности. Главное — увезти его как можно дальше от проклятого Готэма.

Только после этого он повернулся к девчонке и зашвырнул ее на крышу самого высокого небоскреба. Он отлично помнил, что она до смерти боится высоты.

Сатору никогда не отличался жаждой крови. Чужая смерть и месть не вызывали в его душе особого трепета. Он прекрасно понимал, что перед ним — лишь сломленная пешка в чужой игре. Но это не мешало ему воздать ей по заслугам.

— Твои родители мертвы, — его губы тронула холодная, лишенная тепла усмешка. Он просто констатировал факт. — Ты сама сгубила их, а теперь преданно служишь их палачу. Какая невероятно глупая, уморительная комедия.

Развернувшись, он растворился в воздухе.

Спустя мгновение тишину ночи разорвал истошный, захлебывающийся девичий крик, эхом разнесшийся над погруженным во тьму городом.

— Белый Ворон! — с облегчением выдохнул Найтвинг, когда Сатору бесшумно соскользнул с небес. Огромный черный плащ скрыл фигуру Синей Птицы от посторонних глаз.

— Джокер сбросил на город миллионы долларов. Все те, кто успел спастись бегством, ломанулись обратно, — быстро доложил Найтвинг.

Жажда наживы затмила разум несчастных, потерявших в этой бойне всё. Они надеялись урвать свой кусок пирога, не понимая, что алчность станет для них смертным приговором. В этом и заключалась главная шутка Джокера.

— Знаю, — глухо отозвался Сатору.

Ему хватило одного взгляда на усыпавшие мостовую зеленые банкноты, чтобы восстановить картину событий.

Почувствовав неладное, Найтвинг нахмурился и поднял взгляд. Сатору смотрел прямо на него. На его лице больше не было повязки. Шесть Глаз привычно сияли неземным лазурным светом, но в самой их глубине опасно разгорались ядовито-зеленые искры токсина.

Найтвинг невольно отшатнулся:

— Что с твоими...

— Все в порядке, — Сатору слабо улыбнулся. — Я разберусь с этим проклятым духом особого ранга.

А потом он сотрет Джокера в порошок.

Толпа зевак мешала пустить в ход всю его колоссальную мощь, но чтобы раздавить одного копошащегося проклятого духа особого ранга, ему и не требовалось расширение территории.

Он спрыгнул с крыши прямо в бурлящее месиво человеческих тел. Обезумевшие люди хватали Белого Ворона за полы плаща, словно за спасительную соломинку, при этом судорожно прижимая к груди охапки грязных купюр.

— Быстрее! Убей эту тварь! Вы, уроды в масках, обязаны нас защищать! — брызжа слюной, орал какой-то мужчина. Его искаженное алчностью и страхом лицо в фокусе Шести Глаз выглядело бесконечно уродливым.

Сатору даже не стал активировать Безграничность, позволяя грязным пальцам сжимать ткань его одежды. Из-под краев маски на него уставился ледяной лазурный взор.

— Отпусти. Иначе сдохнешь, — ровно предупредил Сатору.

Он сделал шаг навстречу приближающемуся монстру.

— Стой! Тебе платили не за то, чтобы ты нас бросал! — взревел обыватель, пытаясь удержать героя.

Но в следующую секунду звонкая затрещина повалила наглеца на землю. Тяжело дыша, перед ним выросла запыхавшаяся Госпожа Уидис. Ее ладонь горела от удара.

— Они помогают вам из сострадания! Рискуют жизнями ради неблагодарного стада! — сорвавшись на крик, выпалила она. — Какое право ты имеешь указывать ему?! Если ты такой смелый — иди и сражайся сам!

Ее тело мелко дрожало от ужаса. Глядя на колышущуюся массу проклятого духа, она упрямо вытащила из кобуры пистолет. Она видела эту тварь. Видела слишком отчетливо.

Но теплая ладонь мягко легла на затвор оружия. Белый Ворон покачал головой, бережно

опустив ее руку.

Активировав технику Безграничности, он мягко отодвинул толпу на безопасное расстояние и неторопливо направился к чудовищу. Оказавшись лицом к лицу с тварью, Сатору отключил барьер.

Ему не нужно было оружие. Вкладывая в удары всю свою глухую, kloкочущую ярость, он принялся методично, удар за ударом, вбивать монстра в асфальт голыми руками, пока от кошмарного порождения готэмских улиц не осталось лишь мокрое кровавое пятно.

<http://bllate.org/book/19544/2004468>